

С. Н. ТЕМУШЕВ

ЛЕГЕНДЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ В ЗАПАДНО- И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ИСТОЧНИКАХ

В западно- и восточнославянских письменных исторических памятниках сохранились различные варианты происхождения княжеской власти и вместе с ней создания государства. Речь идет, прежде всего, о так называемом «Сказании о призвании варягов», составляющая, как правило, начало едва ли не всех древнерусских летописных сводов, и легенде о призвании на княжение Пржемысла, представленной в «Легенде» Кристиана и хронике Козьмы Пражского. Раннесредневековые польские источники ничего не говорят о происхождении княжеской власти, которая выступает как некая изначальная данность. «Был в городе Гнезно, что по-славянски означает «гнездо», — пишет Галл Аноним, — князь по имени Попель...»¹. Как возникла власть этого князя, хрониста не интересует; главное внимание он уделяет изложению обстоятельств смены одной династии другой и истории этой династии².

Образование института княжеской власти для современников было наиболее ярким, наглядным явлением, связанным с образованием государства³. Можно даже смело утверждать, что в сознании человека переходного периода от родового строя к раннефеодальному эти явления полностью идентифицировались. Исследователи, особенно этнологи, отмечают, насколько большое значение заключалось в легендах-мифах о начале, происхождении тех или иных общественных явлений, институтов. «Во всех архаических обществах, — пишет чешский историк Д. Тржештик, — функционировали такие предания, как мифы,

160

они были неизменным первообразом данного положения вещей в обществе, образцом, который было необходимо непрестанно повторять и, подражая ему, поддерживать его существование действиями, с нашей точки зрения, практическими и магическими поступками (чаще всего — с помощью коллективных культов)»⁴. Д. Тржештик в данном примере рассматривал этногенетические предания, но в полной мере эти слова можно отнести и к легендам о происхождении верховной власти.

Комплекс мифов-легенд, составляющий идеологическую сферу жизни того или иного общества, возникал в связи с соответствующими переменами в самом обществе, возникновением новых институтов, нуждавшихся в особом идеологическом обосновании. Но в то же время современные этнологи отмечают и обратное влияние идеологии на развитие общества, способствовавшее его интеграции⁵.

Наиболее архаичным представляется предание о происхождении княжеской власти в Чехии. В нем можно четко вычленив идею о происхождении правящего рода от предков, получивших власть чудесным образом, с помощью богов, а возможно и самих являющихся богами⁶. Древнерусское предание дает несколько иную картину: здесь мы видим призвание правителя извне сознательным решением общества, почувствовавшего жизненную необходимость в подобном институте. При этом некоторые исследователи возводят «Сказание о призвании варягов» к библейской традиции⁷.

Легенда о призвании Рюрика с братьями непременно попадает в поле зрения исследователей, касающихся проблем возникновения древнерусской государственности. Под 862 г. в Повести временных лет приводится рассказ о приглашении на княжение Рюрика с «братьями»⁸. Никоновский свод, в котором, по мнению исследователей, сохранились сведения из не дошедших до нас источников⁹, дополняет общую картину сообщениями, согласно которым утверждение княжеской власти отнюдь не представляется идиллическим. Под 6372 г. в Никоновской летописи читаем: «Того же лета оскорбишася Новгородци, глаголюще: ”яко быти намь рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его“. Того же лета уби Рюрикъ Вадима Храброго и иныхъ многихъ изби Новгородцевъ съветниковъ

161

его». И под 6375 г.: «Того же лета избежаша отъ Рюрика изъ Новагорода въ Киевъ много Новгородскихъ мужей»¹⁰.

Более пространно предание о возникновении княжеской власти изложено у Козьмы Пражского. Первоначально, следуя изложению хрониста, чехи жили скромно и честно, обходились без судей и старосты, споры решались наиболее почитаемыми в племени мужами, среди которых особенно выделялся Крок. «Соплеменники считали этого человека совершенным: он располагал большим имуществом, а при рассмотрении тяжб вел себя рассудительно...»¹¹. У Крока было три дочери: Кази, Тэтка и Либуше. Наиболее

мудрую, Либуше, после смерти отца сделали судьей над всем народом. Но вскоре после одного из судебных конфликтов народ потребовал «сильную руку», себе в правители мужчину. Совет Либуше со своими сестрами-чародейками привел к результату, выразившемуся в словах: «Кто бы подумал, что себе в князья они призовут от плуга?» На следующий день Либуше объявила народу, что из себя будет представлять княжеская власть: «Прежде всего [знайте], что легче возвести в князья, чем возведенного низложить, ибо человек в вашей власти до тех пор, пока он не произведен в князья, вы и все ваше имущество будет в его власти. От одного его взгляда ваши колени будут дрожать, а онемевший язык ваш прилипнет к сухому небу, и на зов его вы от сильного страха будете с трудом отвечать: "Так, господин! Так, господин!"¹⁴ когда он лишь одной своей волей, не спросив предварительно вашего мнения, одного осудит, а другого казнит; одного посадит в темницу, а другого вздернет на виселицу...»¹². Поскольку «простой народ» (*vulgus ignobile*) продолжал требовать себе князя, Либуше отрядила послов в деревню Стадице, указав, что там Пржемысл с двумя пестрыми быками пашет пар. Это и есть новый князь. Пржемысла в княжеском одеянии посадили на коня. При этом новоиспеченный князь пожелал сохранить на будущее свои лапти для того, чтобы его преемники «людей, им от бога доверенных, несправедливо не притесняли из высокомерия» и помнили, что все люди от природы равны. Заканчивается рассматриваемая легенда утверждением о том, что Пржемысл был «человеком, который за свою храбрость поистине заслужил звание мужа; с помощью законов он укротил это дикое племя и необузданный

народ усмирил, обратив его в рабство, которое тяготеет над ним и поныне; вместе с Либуше установил он все законы, которым подчинена и которым пользуется эта страна и теперь»¹³.

В составе «Легенды» Кристиана¹⁴ сохранилась еще одна версия происхождения княжеской власти в Чехии. Поскольку составителя «Легенды», работавшего несколько раньше Козьмы, интересовала прежде всего история принятия чехами христианства, то анализируемое нами предание изложено у него в сокращенном виде¹⁵. Кристиан сообщает о постигшем чехов моровом поветрии, от которого они избавляются, выполнив предсказания пророчицы: построив град и избрав князя, вступившего в брак с пророчицей. Из повествования Кристиана о князе нельзя сказать ничего конкретного, кроме того, что до своего возвышения он пахал землю¹⁶.

Изложенные предания с самого возникновения интереса к проблемам государственного развития славянских обществ оказались в центре внимания историков. Особенно много копий было сломано по поводу интерпретации «Сказания о призвании варягов».

Однако общепризнанными и в современной исторической науке считаются следующие наиболее общие выводы текстологического анализа «Сказания», сделанные А. А. Шахматовым: 1) предание новгородского происхождения дошло до нас лишь в составе общерусских сводов, составленных в Киеве в конце XI — начале XII в.; 2) обе версии «Сказания» (содержащиеся в Новгородской I летописи младшего извода и в Повести временных лет) — это итог определенного развития, первоначальный текст уже осложнен разного рода изменениями и редакторскими вставками. При этом версия Новгородской I летописи представляет собой более ранний вариант¹⁷. Как бы то ни было, основное содержание рассказа о призвании Рюрика с «братьями» не было подвергнуто редакторской правке, изменены были лишь некоторые фактические детали и добавлен комментарий о происхождении этнических названий¹⁸.

В современной историографии считается совершенно определенной этническая принадлежность летописных варягов и тождество Рюрика и Рёрика Фрисландского (Ютландского)¹⁹. В то же время указывается на несостоятельность летописной хроно-

логии (что, собственно, не ново в историографии) и неточности в описании последовательности событий²⁰. Уже не воспринимаются всерьез попытки доказать решающую роль скандинавского элемента в формировании Древнерусского государства²¹, ведущая роль в государствообразующем процессе отводится южнорусскому центру²². Важнейшим достижением современной историографии может служить следующий вывод ведущего специалиста по истории средневековой Руси А. Н. Кирпичникова: «Варяжское "призвание" отнюдь не принижало прошлого России. Так называемое иностранное вмешательство в ее судьбу — результат нормальных общеевропейских контактов и всемирной этнокультурной открытости Руси, с самого начала включавшей в состав своего населения наряду с русскими более 20 народов, племен и групп»²³.

Предание о возникновении княжеской власти в древнечешских письменных памятниках также давно попало в поле зрения историков²⁴. В. Халопецкий указал на первичность версии предания в «Легенде» Кристиана и считал, что в обработке Козьмы это предание носит антипржемысловский характер²⁵. В то же время Ф. Вацек и В. Тилле считали, что версия, изложенная Козьмой, наоборот прославляет Пржемысла²⁶. З. Неядлы усматривал наличие в предании о Пржемысле определенного «исторического ядра» для древней истории Чехии²⁷. Что характерно, еще в 70-х гг. XX ст. исследователи сомневались, «носят ли предания (о Пржемысле. — С. Т.) народный характер, или они обязаны своим возникновением фантазии Козьмы»²⁸.

В современной историографии принято крайне скептически относиться к сообщению Козьмы Пражского о выборе князя. Так, ведущий российский славист Л. П. Лаптева пишет: «Первая книга "Хроники" вообще относится к области сказок и легенд. Рассказы о "праотце Чехе", о Либуше, о Пржемысле, о "девичьей войне" и первых князьях представляет собой фантазии, частично принадлежащие самому Козьме. Хронист учитывал вкусы современников, их симпатии к вымыслам, развлекал читателя, украшая свое изложение цитатами из классической литературы и пикантными примечаниями к описываемым фактам»²⁹. По мнению польского историка Г. Лябуды Козьма, воспользовавшись «готовыми формулировками Библии из рассказа

о Соломоне и Сауле, желает единственно в интересах господствующего слоя сообщить, что якобы население само добровольно отдалось в подчинение, а потому должно так же терпеливо сносить свою современную судьбу»³⁰. При этом ученый полностью отрицает историчность сообщения чешского хрониста об обстоятельствах «выбора» князя и даже Либуше называет князем³¹. В ряде работ обращался к преданию о Пржемысле ведущий российский ученый-славист Б. Н. Флоря. Ученый убедительно доказывает, что это предание не являлось плодом «творчества» Козьмы³² и указывает, что в нем «отражалось стремление складывающейся раннефеодальной государственности освободиться от пут, налагавшихся на нее принадлежностью князя к одному общему с ним по происхождению коллективу соплеменников»³³.

В статье «Представление об образовании государства и его основных функциях в русском и западнославянском летописании» Б. Н. Флоря провел обстоятельное сравнение рассматриваемых преданий. Ученый пришел к следующим выводам.

Что касается обстановки в славянском обществе накануне утверждения княжеской власти, то в отличие от западнославянских памятников, в «Сказании о призвании варягов» описывается политически более активное население, у которого еще до возникновения княжеской власти наличествуют некоторые элементы цивилизации («города»). Это объясняется особенностями исторического развития двух стран: в Древнерусском государстве существовали хорошо организованные и активные городские («вечевые») общины, что невозможно проследить по ранним чешским источникам.

В древнерусском предании утвердившаяся власть выступает «не как создатель, а скорее защитник, гарант сохранения уже существующих правовых норм», в то время как в чешской версии «с возникновением княжеской власти связано само создание общественного порядка, выход людей из «дикого» состояния»³⁴.

Чешское предание о Пржемысле обнаруживает следы языческой мифологии, какого-то древнего предания, в котором Пржемысл и «пророчица» Либуше были первоначально богами, обеспечивающими плодородие земли. В древнерусской легенде следы языческого мировоззрения обнаружить невозможно. По мне-

нию ученого, «разный облик русских и древнечешских традиций ... связан с общими условиями исторического развития — открытым характером восточно-европейской равнины, где многие одновременно возникшие политические центры постоянно сталкивались между собой и с внешними силами и замкнутым характером Чешской долины, образующей компактное целое, четко отгороженное от окружающего мира горами и лесом»³⁵.

Несмотря на отмеченные различия, существует в двух славянских версиях происхождения княжеской власти и весьма важные аналогии. Прежде всего, это касается происхождения самой правящей особы извне, не из собственного родового коллектива. Князь-правитель, как настойчиво пытаются представить источники, чудесным ли образом или путем сознательного решения населения, приглашается со стороны, а не избирается из собственной среды. Подобные явления были характерны не только для славянского мира. По всей Европе сохранились предания о «приглашении» правителей извне («призвание» норманнов в Англию и Ирландию, приглашение бритами саксонских князей и т. д.)³⁶. Эти предания еще в начале XX в. были проанализированы К. Тиандером, нашедшем многочисленные аналогии древнерусскому «Сказанию о призвании варягов». Наиболее значимо то, что эти предания зачастую отражали реальные факты происхождения правящей династии из иноэтнической среды. Видимо, это обстоятельство было крайне важным для укрепления верховной власти. Необходимо также отметить, что часто (возможно, в подавляющем большинстве случаев) речь шла не о добровольном акте, а об обычном завоевании, захвате власти силой. «Более того, — пишет В. Я. Петрухин, — уже в варварских королевствах «призвание» не маскировало «завоевания» даже там, где завоевание имело место, но было необходимым элементом легитимизации государственной власти: так, лангобарды не просто завоевали Италию — они были призваны туда законными властями — византийским полководцем Нарсесом»³⁷.

Если по поводу иностранного происхождения Рюрика у исследователей не возникает разногласий³⁸, то относительно Пржемысла не все столь определено. Согласно Козьме Пражскому родоначальник чешской правящей династии Пржемысл происходил из некоей деревни (villa) Стадицы в северо-западной

Чехии. Но произведенные археологами исследования не выявили на этом месте остатков центра, из которого мог бы быть выведен чешский княжеский род. Современные исследователи склонны связывать Стадицы Козьмы с упоминаемым Баварским географом (начало IX в.) одноименным славянским народом, расположенным восточнее Каролингской империи³⁹. Таким образом, и в чешской истории представители верховной власти выводятся за рамки племенного коллектива, хотя и близкого этнически.

Весьма существенным для объяснения происхождения особы правителя из чужого родового коллектива является следующее замечание западного социолога М. Вебера: «"Законодатель" — нечто совсем иное, чем итальянский подеста, которого приглашали извне не для того, чтобы создать новый социальный порядок, а для того, чтобы иметь стоящего вне котерии беспристрастного властелина, следовательно, при родовой вражде внутри одного слоя. Напротив, законодатели [...] призываются тогда, когда возникают социальные конфликты. Особенно часто в тех случаях, когда начинает действовать типичный самый ранний импульс планомерной "социальной политики", а именно экономическая дифференциация военных, связанная с возросшим богатством одних и закабалением других, а наряду с этим и неосуществленные политические чаяния слоев, разбогатевших посредством хозяйственной деятельности, добиться равных прав со старой военной "знатью"»⁴⁰. Именно такую ситуацию мы обнаруживаем в западно- и восточнославянском обществах накануне окончательного оформления верховной власти (создание государства). И согласно Козьме Пражскому, и по сообщению русской летописи, и по данным «Легенды» Кристиана славянские общества накануне существенных социальных преобразований (являющихся настолько значимыми, что потребовали особого внимания авторов средневековых памятников) переживали период крайней нестабильности. И только установление княжеской власти устраняет наиболее острые противоречия и делает возможным стабильное развитие общества, можно даже сказать, решает вопрос о самом его существовании, сглаживая внутренние конфликты и устраняя внешнюю опасность (князь — судья, он же и военный предводитель, мобилирующий силы всего на-

рода). В то же время о том, что отнюдь не гладко происходило утверждение новых порядков, свидетельствуют вышеприведенные сообщения Никоновской летописи (о восстании Вадима и бегстве новгородцев) и речь Либуше о характере власти князя (см. выше).

Итак, в рассматриваемых преданиях не только «отразилось стремление складывающейся раннефеодальной государственности освободиться от пут, налагавшихся на нее принадлежностью князя к одному общему с ним по происхождению коллективу соплеменников»⁴¹, но по всей вероятности, сохранились и отголоски реальных событий, установление власти личностей, «приглашенных» со стороны (фактический ход событий никогда не будет восстановлен). Видимо, происхождение особы, персонализирующей верховную власть, не из верхушки становящегося на путь государственного развития родового общества имело важное значение, поскольку примеры этого явления обнаруживаются в Европе повсеместно. Посторонний правитель более объективно, в глазах современного ему общества, отражал интересы различных слоев, не был защитником лишь одного доминирующего рода, богатой, влиятельной семьи. При этом решалась и еще одна проблема внешнеполитического плана — приобретался надежный союзник или устранялась угроза нашествия⁴². Анализируя предания о возникновении княжеской власти, можно сделать еще одно важное наблюдение. И в чешском и в древнерусском источниках основной функцией князя называется вовсе не военная, а судебная: «Поищем себе князя, иже бы володель нами и судиль по праву» — такие слова вкладывает в уста представителей восточнославянской федерации племен Нестор⁴³. В предании, изложенном Козьмой Пражским, основной конфликт развивается из-за нежелания подчиняться судебному решению женщины⁴⁴. Судебная функция князя на определенном этапе оказывается более значимой, чем военная. Так, если внешняя защита определенного общества может заключать в себе разовые, временные мероприятия, то внутренняя охрана населения — суд — требует постоянной, перманентной деятельности⁴⁵. При этом важно даже просто наличие верховной власти, являющейся существенно значимым гарантом правовой защиты каждого члена общества. Князь с его

дружиной — это не только судебный орган, осуществляющий правосудие, но и карающий орган.

Таким образом, западно- и восточнославянские предания о возникновении княжеской власти заключают в себе не только важную информацию о политических взглядах тех кругов, к которым принадлежали авторы памятников (что, прежде всего, и находили советские историки), но также ценные данные о реальном ходе процесса государственного развития в славянских странах. Несмотря на ряд отличий в излагаемых конкретных обстоятельствах учреждения нового института, а также в различии стадий интересующего нас процесса, зафиксированных в памятниках, можно обнаружить существенные общие моменты. Это касается, в первую очередь, сообщений о призвании князя извне, из-за рамок родового коллектива, об обосновании роли князя, как гаранта общественной стабильности, о выделении ведущих функций княжеской власти. Безусловно, «призвание» князей могло и не иметь места в действительности, но ряд примеров иноземного

происхождения правящих династий заставляет более внимательно отнестись к сообщениям славянских письменных памятников.

¹ Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961. С. 28.

² Флоря Б. Н. Представление об образовании государства и его основных функциях в русском и западно-славянском летописании // Раннефеодальные государства и народности. София, 1991. С. 43.

³ Флоря Б. Н. Формирование государственности и зарождение политической мысли у славянских народов // Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 262.

⁴ Тржештик Д. Славянские этногенетические легенды и их идеологическая функция // Раннефеодальные государства и народности. София, 1991. С. 35.

⁵ Говард М. Сучасная культурная антрапология. Мн., 1995. С. 316—317.

⁶ Флоря Б. Н. Формирование государственности... С. 263.

⁷ Барац Г. М. О составителях «Повести временных лет» и ее источниках, преимущественно еврейских. Берлин, 1924. С. 108.

⁸ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 13.

⁹ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 181 и далее.

¹⁰ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 9.

¹¹ Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962. С. 35—36.

169

¹² Там же. С. 40.

¹³ Там же. С. 45.

¹⁴ Kristianova legenda. Praha, 1978. S. 16—19.

¹⁵ Флоря Б. Н. Представления об образовании государства... С. 43.

¹⁶ Там же. С. 46.

¹⁷ Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов // Известия Общества истории русского языка и словесности. 1904. Т. IX. № 4.

¹⁸ Флоря Б. Н. Представления об образовании государства... С. 44.

¹⁹ Хлезов А. А. Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997. С. 73—74; Молчанов А. А. Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюриковичей (О роли отдельных компонентов и полиэтнической основе формирования Древнерусского государства) // Образование Древнерусского государства: спорные проблемы. М., 1992. С. 44—47; Кирпичников А. Н. Сказание о призвании варягов: легенды и действительность // Викинги и славяне: ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. СПб., 1998. С. 40—41.

²⁰ Петрухин В. Я. «Начало русской земли» в начальном летописании // Восточная Европа в исторической ретроспективе: к 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 220—226.

²¹ Рыдзевская А. Е. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978. С. 133—134.

²² Котляр Н. Ф. Север или юг (к вопросу о возникновении древнерусской государственности) // Образование Древнерусского государства: спорные проблемы. М., 1992. С. 29—32.

²³ Кирпичников А. Н. Указ. соч. С. 32.

²⁴ Обзор лит-ры см.: Novotný Y. České dějiny. D. I, 2. Praha, 1913. S. 253 и сл.

²⁵ Chaloupecký V. Přemyslovska pověst a Kristian // Český časopis historický. XLIV. 1938. S. 327—338; Он же. Prameny X století // Svatovaclavský sborník. II. 2. Praha, 1939. S. 175, 317—318, 386—389.

²⁶ Санчук Г. Э. Комментарии // Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962. С. 40.

²⁷ Nejedlý Z. Staré pověsti české jako historický pramen. Praha, 1953. S. 5 и сл. См. также: Неядлы З. Р. Возникновение чешского государства // Славянский сборник. М., 1947. С. 95.

²⁸ Граус Ф. К вопросу о происхождении княжеской (королевской) власти в Чехии // Вопросы истории. 1975. № 4. С. 148.

²⁹ Лаптева Л. П. Вымыслы и фальсификация в чешских хрониках XII—XIII веков // Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Тезисы докладов. М., 1994. С. 49.

³⁰ Labuda G. Pierwsze państwo polskie. Dzieje narodu i państwa polskiego. Kraków, 1989. S. 70.

³¹ Ibid.

³² Флоря Б. Н. Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племен чешской долины // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 106; Он же. Представление об образовании государства... С. 43—44.

170

³³ Флоря Б. Н. Формирование чешской раннефеодальной государственности... С. 106.

³⁴ Флоря Б. Н. Представление об образовании государства... С. 45—46.

³⁵ Там же. С. 48. См. также: Он же. Формирование государственности и зарождение политической мысли у славянских народов. С. 263.

³⁶ Кирпичников А. Н. Указ. соч. С. 38—39. Подробно см.: Тиандер К. Датско-русские исследования. Вып. III // Записки историко-филологического факультета Имп. Петроградского университета. Ч. СХХIII. 1915. С. 1—204.

³⁷ Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. I. М., 2000. С. 115.

³⁸ Кирпичников А. Н. Указ. соч. С. 40—46.

³⁹ Флоря Б. Н. Формирование чешской раннефеодальной государственности... С. 106.

⁴⁰ Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 114—115.

⁴¹ Флоря Б. Н. Формирование чешской раннефеодальной государственности... С. 106.

⁴² Кирпичников А. Н. Указ. соч. С. 37—38.

⁴³ Повесть временных лет. С. 13.

⁴⁴ Козьма Пражский. Чешская хроника. С. 36.

⁴⁵ Неудлы З. Р. Указ. соч. С. 89.